

ГЛАВА 3.

СВИДЕТЕЛЬСТВА О СЕБЕ «МАЛЕНЬКИХ» ЛЮДЕЙ: НОВЫЕ ДОКУМЕНТЫ И ФАКТЫ ИЗ ИСТОРИИ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ДИНАСТИИ СТАХЕЕВЫХ

Введение

Последние два-три десятилетия в отечественной исторической науке характеризуются оживлением интереса к документам личного характера, которые все чаще называют эго-документами. Понятие эго-документ впервые употребил профессор Амстердамского университета Жак Прессер. Занимаясь изучением социокультурной истории, на основе документов личного происхождения в 1958 г. он ввел термин «эго-документы», подчеркнув их главную характерную черту, ярко выраженный личный характер [8].

Работа историка с эго-документами выводит его на проблему изучения «маленького» человека в истории. «Свидетельства о себе», эго-документы, источники личного происхождения какой бы термин мы ни использовали применительно к этому виду источников, уникальность источника в том, что он позволяет «вчитаться» в мысли человека конкретной эпохи.

Человек в истории широко изучался зарубежными авторами. Достаточно вспомнить историю одного фриульского мельника по прозвищу Меноккио, который всю жизнь провел в безвестности и был сожжен по приговору инквизиции положенную в основу знаменито труда Карло Гинзбурга «Сыр и черви» [1]. Исследование судеб трех неординарных женщин XVII в. проведенное Натали Земон Дэвис разбивает стереотипы нашего восприятия этого периода истории [4].

Отметим, что научный интерес к человеку в истории, а значит и к эго-документам имеет глубокие корни, но если ранее историков интересовали преимущественно свидетельства людей великих, то теперь они обратили свой научный взор к «массовой» автобиографической продукции, т.е к документам личного происхождения написанными «маленькими» людьми. А если учесть моду на ведение дневников и популярность эпистолярного жанра XVIII – середине XX в. количество этих свидетельств должно быть огромным. В действительности дело обстоит не так. Отсутствие интереса к личным документам рядовых «обывателей в истории», привело к тому, что подробные источники не ценились, а значит и не хранились. Либо были прочно «законспирированы» в личных архивах, хранители которых зачастую не владеют данными о происхождении подобных документов.

Книга-альбом «Думы и настроения»: внешний анализ источника

В нашем распоряжении оказался уникальный источник, который относится к группе эго-документов – собрание писем Дмитрия Николаевича Стакеева (1884 -1909 гг.), оформленных в виде машинописной книги-альбома «Думы и настроения». Само название источника свидетельствует о том, что в нем собраны не факты частной жизни, как это бывало в дневниках и воспоминаниях, а скорее отражение внутреннего мира, воплощённое в мыслях, которые автор доверил перу и чернилам. Перед нами своеобразная рефлексия о «смыслах жизни» молодого человека, жившего в России в конце XIX – начале XX в.

Книга-альбом хранилась в личном архиве Еленой Владимировной Мордак (внучатой племянницы составительницы книги-альбома) и была передана нам для Музея елабужского купечества Елабужского института КФУ.

Книга-альбом содержит 143 письма Д.Н. Стакеева к своей супруге, а также к составительнице этого альбома писем, Глафире Николаевне Постниковой и еще нескольким друзьям. Письма собраны в хронологическом порядке и охватывают период с 1898 по 21 март 1909 г. В источник так же включены отрывки из юношеских дневников Дмитрия и несколько семейных фотографий.

Каждое письмо имеет дату и место отправления. Например, Алушта. 26 июля 1903. Но, что особенно интересно в начале каждого письма указан его получатель. Учитывая замкнутый образ жизни Дмитрия Стакеева и тот факт, что составительницей книги-альбома была Глафира Постникова привели к тому, что в книге собраны в основном письма к ней (они озаглавлены к «Г.Н.П») и будущей жене Дмитрия Анне, которая приходилась Глафире родной сестрой (К «А.Н.П»). Плюс всего несколько писем близкому приятелю (К «Вл. Н. Суб.») имени которого нам не удалось установить. Учитывая, что источник впервые вводится в научный оборот, при оформлении ссылок, мы будем указывать время и место написания письма и имя его адресата.

Фотодокументы являются изобразительными документами и тоже относятся к источникам личного происхождения. В книге-альбоме фотографии, напечатанные на фотобумаге, вклеены прямо на отдельные страницы. Изображения на фотографиях на прямую не связаны с текстами письма, а скорее помещены в альбом, как памятные снимки. Фотографии в основном являются любительскими (не студийными) снимками. В Российской империи искусство фотографии начало стремительно развиваться во второй половине XIX в., а к началу XX в. портретные и жанровые фотоснимки стали явлением повсеместным. В совре-

менной исторической науке произошел своеобразный «визуальный поворот», исследователи помимо анализа вербальных форм презентации прошлого стали активно использовать визуальные источники, к которым в числе прочих относят фотодокументы. В книге альбоме помещены 12 фотодокументов, на которых изображен преимущественно сам Д.Н. Стакеев, несколько снимков его супруги и дочери Ирочки. На фотографиях Дмитрий чаще всего запечатлен в форменной одежде студента Императорского Московского технического училища, с контр-погонами учебного заведения, т.к. студент – это официальный статус которого достигал юноша, поступив в вуз. На некоторых фотографиях Дмитрий запечатлен на отдыхе: на отцовской даче в Алуште, во время прогулки в парке, на пикнике с Анной и Глафией Постниковыми.

*Фото 1. Д.Н. Стакеев форме студента Императорского
Московского технического училища*

Особый интерес с точки зрения визуального дополнения к написанному в письмах тексту о его постоянных занятиях философией, вызывает фотография, сделанная в рабочем кабинете Дмитрия, где он сидит в глубокой задумчивости за письменным столом, заваленным многочисленными книгами, и читает. На столе стоит семейное фото Д.И. и А.Н. Стакеевых, что свидетельствует о том, что фотография сделана после свадьбы, и доказывает, что смена семейного положения не поменяла привычного образа жизни молодого человека.

*Фото 2. Супруги Дмитрий Николаевич
и Анна Николаевна Стакеевы*

Цель нашего исследования ввести в научный оборот отдельные материалы этого объемного исторического источника и провести первичный анализ их содержания.

Интересна история появления этого семейного артефакта. Книга составлена вскоре после скоропостижной кончины Дмитрия Ивановича в память о нем. Составительницей книги-альбома являлась родная сестра супруги Дмитрия. Она не просто собрала и сохранила коллекцию

писем, она обратилась в мастерскую, оказывавшую полиграфические услуги с тем, чтобы письма были набраны машинописным текстом, дополнены фотографиями, переплетены и изданы в виде книги. Свидетельством тому, что Глафира Николаевна не сама набирала текст на печатной машинке, являются маргинальные записи и пометки, сделанные ею простым карандашом в тексте книги-альбома. Иногда эти записи носят, поясняющий характер, а иногда Глафира исправляет грамматические ошибки или опечатки, сделанные машинисткой.

Книга-альбом, переплита в полукожаный переплёт с золотым тиснением на обложке и корешке и кожаными уголками. Переплётные крышки книги сделаны из «мраморной» бумаги. Машинописный текст выполнен на гербовой бумаге писчебумажной фабрики Кангас в Финляндии, которая поставляла качественную бумагу в Россию до 1917 г. Глафира Николаевна воспользовалась услугами переплётной мастерской Иоганна Фридриха Гринберга, существовавшей в Москве с середины 1880-х гг. по 1917 г. На форзаце книги в правом верхнем углу приклеен бумажный ярлык «Гринбергъ мастерская и магазинъ Москва» (размер: 8x14).

Дмитрий Николаевич Стакеев – интеллигент из купеческого рода

Дмитрий родился в семье Николая Дмитриевича и Ольги Яковлевны Стакеевых. Его отец Дмитрий Николаевич был сыном елабужского купца-миллионера и начал коммерческую деятельность в Елабуге, но к концу XIX в. уже прочно вошел в круг московской бизнес-элиты.

Статус коммерции-советника, полученный Николаем Дмитриевичем, позволил ему бывать при дворе, где он слыл аристократом, во многом благодаря огромным капиталам и светским манерам. Н.Д. Стакеев получал огромные прибыли от недвижимого имущества в Москве. Несколько доходных домов (дом по адресу Лубянский проезд, дом 3, улица Мясницкая дом 6) со сдаваемыми в наем квартирами, и магазинами приносили ему огромную прибыль. Но настоящим дворцом являлся, сохранившийся до сих пор особняк на Новой Басманной улице, д. 14, который Николай Дмитриевич построил как дом для своей семьи.

Дмитрий Николаевич является представителем первого поколения привилегированной российской молодежи начала XX в., не имеющего аристократического происхождения, а занявшего высокий социальный статус благодаря огромным капиталам, нажитым в период капиталистической модернизации их отцами, выходцами из провинциальных купцов. Дмитрий Стакеев провел детство и юность не просто в достатке, а в условиях столичной роскоши.

Но отношения родителей в семье были необычайно сложными. Подтверждением служит тот факт, что в 1901 г. Николай Дмитриевич дарит особняк на Басманной своей супруге Ольге Яковлевне и разводится с ней. А сам уезжает за границу в Монте-Карло, где с головой отдается пагубному пристрастию к игре в казино.

Его сын Дмитрий в 1908 г. оканчивает курс обучения Императорского Московского технического училища. Несмотря на сопротивление матери еще в 1906 г. женится на Анне Николаевне Постниковой, дочери калужского купца второй гильдии Николая Ивановича Постникова. Жила молодая семья в собственном доме в Москве, подаренном Дмитрию его отцом. Но в 1909 г. Дмитрий Николаевич скоропостижно умирает. В книге-альбоме приводится точная дата смерти Дмитрия Стакеева - 4 апреля 1909 г., а последнее письмо, написанное им из Парижа датировано им 30 марта 1909 г. Эти две даты с разницей в пять дней показывают, как непредсказуема бывает жизнь. Вернувшись из Парижа, Дмитрий Николаевич заразился от своей маленькой дочки Ирочки скарлатиной. Отец и дочь скоропостижно скончались от этой инфекционной болезни и были похоронены в соседних могилах на кладбище Скорбященского монастыря в Москве. Обезумевшая от горя супруга и мать Анна Николаевна целовала умерших мужа и дочь в надежде заразиться от них умереть. После смерти супруга Анне пришлось оспаривать в суде права на наследство мужа у семьи Стакеевых. Ее дело вел адвокат П.М. Савицкий, ставший в последствии ее вторым мужем. Согласно духовному завещанию Д.Н. Стакеева все его имущество должно было перейти его супруге Анне Николаевне Стакеевой. А состояние Дмитрию Николаевичу от богатого отца должно было перейти не малое: $\frac{1}{4}$ часть всего недвижимого имущества. Но при составлении завещания Николаевич Дмитриевич Стакеев сделал оговорку, о том, что в права владения наследством его сын может вступить только по достижении им 35 лет. А до этого недвижимостью должна была распоряжаться его мать Ольга Яковлевна Стакеева. Учитывая, что на момент скоропостижной смерти Дмитрию Николаевичу было только 25 лет, то и прав вступать в наследство он не имел. А это означало, что его супруга не могла претендовать на недвижимость Стакеевых. Судебное разбирательство пробрело широкую огласку и продолжалось несколько лет. О нем даже писала газета «Коммерсант» под заголовком «Дело миллионера Стакеева» [2]. Состоявшийся суд по делу о наследстве вынес решение о признании духовного завещания Дмитрия Стакеева в части, касающейся передачи права на недвижимость А.Н. Стакеевой не действительным. Но согласно воспоминаниям

родственников Анны Николаевны, после суда она стала человеком состоятельным. Видимо Стакеевы обеспечили молодую вдову своего сына достойным содержанием [7, с 163.].

Родители Дмитрия несмотря на разрыв отношений очень скорбели о раннем уходе из жизни сына. Желай увековечить память о нем, в 1910 г. объявляют о желании учредить благотворительную стипендию имени инженер-механика Д.Н. Стакеева. Мать Дмитрия Ольга Яковлевна Стакеева являлась действительным членом Общества вспомоществования нуждающимся студентам ИМТУ [5, с.120].

Сюжеты из писем и дневников Дмитрия Николаевича Стакеева

Письма, собранные в книге-альбоме «Думы и настроения» представляют собой публицистические заметки, хотя их автор вряд рассчитывал на их дальнейшее обнародование. Сам Дмитрий Николаевич нередко называл свои письма квинтэссенцией, поясняя «я написал письма весьма глупые с глупым наивным намеком на неприятность (в данный момент испытываю желание плюнуть себе в физиономию) как бы навязываясь на сочувствие» [3, с. 58-59. К «Г.Н.П». Алушта 4 июля 1903 г.]. Дмитрий испытывал необходимость сочувствия его одиночеству. «Я страшно одинок – пишет Дмитрий в письме в декабре 1902 г.- Говорят, что в одиночестве сила, ну с эти я позволю себе не согласиться. Человек молодой (т.к. как я говорю про себя) какая бы у него энергия ни была всегда нуждается в поддержке, не в поддержке, а только в том, чтобы излить все наболевшее в его груди» [3, с. б/н. К «Г.Н.П». декабрь 1902 г.]. Молодой человек считает, что находится в атмосфере не свойственной его духу. И хотя он открыто не называет вещи своими именами, скорее всего его тяготит принадлежность его семьи к социальному слою предпринимателей и ему хочется самостоятельно выбрать свой жизненный путь, без оглядки на семейные традиции.

Воспитанный в роскоши, он чувствовал себя одиноким и отвергнутым родителями. «Тоска, страшная тоска», читаем мы в письме от 10 мая 1903 г. написанном из Елабуги, куда Дмитрий непременно ездил погостить в теплое время года. «Каждый вечер мне делается тоскливо» и это уже строки из письма, написанного из Москвы 31 мая 1903 г. Словосочетание «печаль и тоска» так часто появляются на страницах писем Дмитрия, что невольно убеждаешься, что юноша был очень одинок. В 1903 г. это состояние можно было бы объяснить недавним разводом родителей и душевными терзаниями по этому поводу.

Но не только семейные неурядицы были причиной душевных терзаний и одиночества Дмитрия. Его современники тоже подмечали эту переходную эпоху – эпоху «общего брожения умов», которая в первую

очередь коснулась учащейся молодежи. Студент Императорского Московского технического училища не мог не поддаться эти общим тенденциям, формировавшимся в мировоззрении, учащейся молодежи.

«Думы и настроения» уникальный источник с точки зрения редкой для историка возможности «проникновения» в мысли восемнадцатилетнего человека, жившего в Российской империи в первое десятилетие XX в. Общественно-политическая мысль этого периода хорошо изучена, а вот ее восприятие частными лицами не нашло серьезного отражения в исторической науке.

Дмитрий Стахеев изменяет стереотипы нашего восприятия периода капиталистической модернизации в России второй половины XIX – начала XX в., когда, как это принято считать, небывалый расцвет науки и техники, безграничная вера в прогресс подрывали традиционную религиозность россиян. Именно в этот период сын представителя российской бизнес-элиты, молодой человек получающий высшее техническое образование пишет: «Люди, которые представляют подавляющее большинство, довольствуются своими эгоистическими наклонностями, противовесом в которых и должно явиться нечто такое, что бы их отвлекало от животных инстинктов... На это можно ответить религия, вот что должно стоять на первом плане. Какая? Конечно, Христа, потому что это есть религия нравственности» [3, с. б/н. К «Г.Н.П». декабрь 1902 г.]. Но окружающая молодого человека действительность позволяет ему усомниться в «актуальности» христианского учения и от продолжает: «Но ведь в религии Христа есть масса несообразностей, хотя бы пресловутые «ад и рай» и учение об абсолютной покорности. Мы люди скептики и даже не скептики, а прямо рассуждающие, не можем примириться той стеной, которую воздвигает нам христианство. «Ты верь и не рассуждай, потому что вера не терпит рассуждений!». Эта одна фраза может взбесить человека. Он человек, следовательно, он должен мыслить» [3, с. б/н. К «Г.Н.П». декабрь 1902 г.].

Но подобно сторонникам реформации, захлестнувшей Европу в XVI в. Дмитрий не отрекается от религии, а не приемлет лишь ее внешние проявления (обряды). «Религия и обряды – ерунда, выдумка людей для того, чтобы завлекать, действовать на нервы глупцов, чтобы последние преклонялись перед жрецами, попами, митрополитами... Глупцам нужна мишура, блеск и поэтому девственно чистую религию они обмочтали всяким мишурным тряпьем и тем скрыли все то, что не входило в их интересы» [3, с. б/н. К «Г.Н.П». декабрь 1902 г.]. Но истинная вера по мнению Дмитрия, необходима для человека: «Должно существовать высшее, отвлекающее человека от его животных инстинктов. Назовите

это как хотите: Разум – ли, совесть – ли, или даже Бог» [3, с. б/н. К «Г.Н.П». декабрь 1902 г.].

Дмитрий определяет роль и значение религии и веры через противопоставление этих категорий науке. Не отрицая значения прогресса научного знания, Стахеев убежден, что ответы на «вечные» вопросы может дать только вера. «Уже из самого представления о «точных» науках следует представление о сфере их познания, а именно о всем не сверхъестественном, о всем телесном, материальном, а не о душевном, бестелесном. Главная цель точных наук сводится теперь к уничтожению представления о необъяснимой божественности, душе, как например естественные науки, что же касается математики, то она всецело погрузилась в утилитаризм – познавать сверхъестественное должны абстрактные науки... Ведь теперь кругозор научный весьма широк: электричество, лучи радия, жидкые газы, мир бактерий и инфузорий, воздухоплавание почти осуществлено и т.д. и т.п., но что из этого следует? Да ровно ничего хорошего... Я твердо убежден, что наука конкретная не может вынуть человека из бездны отрицаний, нет, она сама нуждается, чтобы человек ее извлек из культа убожества, низкопоклонства, хотя я так же твердо убежден и в том, она только и может служить человеческому телу, а не душе, быть прикладной» [3, с.25. К «Г.Н.П». Алушта. 12 июля 1903 г.].

Содержание писем Дмитрия Стахеева свидетельствует о том, что он, получая высшее инженерное образование в одном из престижнейших вузов России - Императорском Московском техническом училище (ИМТУ) не доволен выбранным учебным заведением. «Увы только мес. осталось отдохать, а там опять занятия с проклятыми формулами сопротивлений, деталей машин» [3, с. 84. К «П.Н.П». Алушта. 17 июля 1903 г.]. В письме от 16 ноября 1903 г. Дмитрий выражает уже откровенное недовольство своей учебой в «Я положительно прихожу в отчаяние от мысли, что вся жизнь моя пойдет рука об руку с ненавистной прикладной математикой... Да случайность толкнула меня в Техническое – нужно выходить оттуда с званием инженера» [3, с. 116. К «А.Н.П». Москва. 16 ноября 1903 г.]. Можно предположить, что выбор учебного заведения был сделан под давлением со стороны родителей. Это учебное заведение в 1895 г. окончил двоюродный дядя Дмитрия – Федор Васильевич Стахеев. Позднее Ф.В. Стахеев служит инженером на флоте, электрифицировал и телефонизировал родную Елабугу и другие города Прикамского края. Инженерное образование и практический опыт позволили Фёдору Стахееву расширить направления предпринимательской деятельности в составе торгового дома «В.Г. Стахеева наследники» [5, с.111]. Но Дмитрий Николаевич видимо не имел склонности к точным наукам, а тяготел к гуманитарным дисциплинам, которые развивали образное мышление,

воображение и эмпатию. И этот факт также порождал в нем чувство недовлетворенности жизнью и непониманием со стороны окружающих и в первую очередь семьи.

Продолжая тему религиозной-философии Дмитрий подчеркивает, философское значение христианского учения: «Христос был гениальный мыслитель, великий философ, идеалист, но плохой практик, реалист. Он не понял, что люди слишком земны, телесны, слишком не совершенны в смысле разума и воли; он не понял, что человеческая душа есть «самое сущее» в человеке, что божественная искорка слишком ничтожна в сравнении с животным, природным началом человека» [3, с. 95. К «Г.Н.П». Алушта. 1 августа 1903 г.].

Стахеев убежден, что христианство в той форме, в которой оно зародилось, как религия, объединяющая массы народа, не может существовать в начале XX в., когда преобладает индивидуализм. «Религия и массы это два понятия, неразрывно связанные несовершенством человека, убожеством его разума, духа, между тем как религия и индивидуализм бессмыслица... Человек индивидуум высок и силен, но в массе себе подобных он ничтожен, животен, убог... Поэтому для индивидуализма не должно быть культа религий: он свободен, мощен, разумен» [3, с. 99. К «Г.Н.П». Алушта. 1 августа 1903 г.].

Жизнь отца нашего героя - Николая Дмитриевича, расчетливого и удачливого предпринимателя, игрока и любителя женщин яркий пример того, как под влиянием российской действительности он забыл те прочные религиозные основы, господствовавшие в его семье. Можно предположить, что Николай Дмитриевич отнюдь не воспитывал сына в патриархальных традициях глубокой религиозности. Но традиции купеческого рода Стахеевых, традиции искренней веры в Бога, находившие выражение не только в ревностном выполнение религиозных обрядов и следование нормам христианской морали, но и в широкомасштабной благотворительности пользу церквей и монастырей оказали на влияние и на Дмитрия. Достаточно сказать, что, проводя летние месяце в Елабуге молодой человек на каждом шагу сталкивался со следами созидательной деятельности своих предков в пользу церкви. Двоюродный дядя Дмитрия И.И. Стахеев в 1868 г. построил на свои средства Казанско-Богородицкий женский монастыря для 200 сестёр, выделив на это богоугодное начинание полмиллиона рублей. Родной дед Дмитрия, Дмирий Иванович, поддержал вышеупомянутого И.И. Стахеева в проекте учреждения Стахеевского благотворительного комитета, со счетов которого получали помощь церкви и монастыри двадцати двух губерний России.

Поэтому Дмитрий слепо не отвергает веру, он рассуждает на тему религии, пытаясь свести ее к философии, которую каждый человек воспринимает индивидуально.

В юношеском возрасте Дмитрий безоговорочно верит великое будущее России: «Какая великая будущность предстоит России. Она начала жить только с 1701 года, когда Петром I было прорублено «окно в Европу». По моему предположению лет через 200 в мире останутся только два государства (великих) – это Россия и Америка (Соединенные Штаты). Остальные же преклонят свои головы перед ними» [3, с. б/н. Из дневника. 5 января 1902 г.]

Девятнадцатилетнего молодого человека по-прежнему живо интересует судьба России, но нынешнее ее состояние не устраивает Дмитрия, он обличает «грубый материализм» и застой общественной жизни в России, но надеется: «... это затишье было перед бурей суповой и сильной, которая сломила бы старые обветшавшие остыни теперешней жизни и вместо всего этого искусственного и обносившегося воздвигли светлый храм, построенный на новых началах : на свободе и равенстве» [3, с. 27. К «А.Н.П». Алушта. 13 июля 1903 г.].

Оставаясь в стороне от активной общественно-политической деятельности, Дмитрий открыто заявляет о своих убеждениях только на страницах писем. Но и этот поступок дался ему не легко, что доказывают отрывки из дневника 1902 г. «Я живу, или вернее нахожусь в атмосфере, которая не соответствует моим духовным понятиям. Вот и задыхаешься. И я был бы способен, у меня хватило бы энергии сбросить с себя эти оковы, да нет поддержки, хотя бы дружеского удара по плечу со словами: «валах, брат, скоморох попу не товарищ». Тогда бы я отбросил все кумиры века я пошел бы твердой стопой по своей дороге» [3, с. б/н. Из дневника. Декабрь 1902 г.].

Дмитрий сторонник буржуазных свобод, но, по его мнению, российская общественность недостаточно активна для подобных процессов: «Термометр общественной жизни все падает и падает и сравнительно скоро настанет то время, когда он покажет абсолютный нуль» [3, с. 72. К «А.Н.П». Алушта. 13 июня 1903 г.]. Юношей Дмитрий разделял некоторые революционные идеи, выписывал из Ниццы революционные газеты и журналы. Уже после революции 1905 г. в России в его взглядах появляются идеи социализма «и порой действительно подумаешь, скрой уничтожить частную собственность, ввести обязательность труда и т.д. Уж слишком несправедливо теперь распределение капитала. Жить так нельзя.» [3, с. 175. К «Г.Н.П». Июль 1906 г.].

Тема развития общественного движения в стране тесно перекликается с проблемами роли русской интеллигенции в прогрессе России.

Дмитрий пишет о несостоительности русской интеллигенции, причисляя к ней и себя. Что выглядит довольно странно, т.к. его отец выходец из очень состоятельной, но все же купеческой семьи. Да им сам Дмитрий не порвал с малой родиной: проводит лето в купеческой Елабуге. Но как становится понятным из его писем, молодой человек не причисляет себя к представителям купечества - этого «темного царства». Он считает себя частью российской интеллигенции, которая, по его мнению, незаслуженно ставит себя выше простого народа. В одном из писем Дмитрий дает весьма интересную оценку поступку простого мещанина, который ценой собственной жизни спасал пассажиров парохода потерпевшего крушение на Волге. «Сейчас прочел в «Курьере» статью Серафимовича о погибели Перта I, (парохода на Волге). Содержание её таково: когда погиб Петр, недалеко проходил пароход Кашина. Пассажиры Петра, сжигаемые бушующим пламенем, становились на колени и протягивали с мольбою руки: спасите. Но капитан не подошел. Он совсем уже хотел подойти, да пассажиры запретили подвергать такой страшной опасности свой пароход. Из 250 человек не нашлось ни одного, который бы заставил капитана идти на помощь. Все эти 250 человек с капитаном во главе спокойно смотрели на гибнувших людей, в мещанин Камышлов 6 раз вытаскивал утопающих и наконец утонул... Вот Вам четный сильный русский человек, вот Вам воплощение Ильи Муромца в теперешнем простолюдине, вот Вам истинный апостол Христа. Как бесхитростна, приста и чиста душа этого богатыря, как чутка и м. б. наивна она... Святое дело... Мы интеллигенты корим простой народ в варварстве, невежестве, тупости, подчас хотим просветить его. Ха, ха, ха. Просветить, т.е. развратить, выжать, погасить ту божественную искру, которая так высоко ставит человека, которая делает его честным, великодушным... Жалкие, пошлые, мы негодяи, низкие развратники, тщедушные трусы... исчадие греха» [3, с. 27. К «Г.Н.П». Алушта. 12 июля 1903 г.]. Алушта . 12 июля.

Внутренние терзания Д.Н. Стакеева ярко проявляются в его взглядах на случай, произошедший с ним в Алуште в июня 1903 г. на электрической станции. «Вижу рядом с машинистом стоит человек лет 32. Я бросил на него беглый взгляд. Лицо показалось мне интеллигентным... отойдя в сторону с машинистом, я спросил его кто это такой? Он мне ответил, что это дворянин получивший сравнительно хорошее образование (что-то 4,5 класса реального училища). Сын богатого отца (200 000дес. земли), который был замешан в каком-то политическом деле и лишился поэтому своего состояния и вот его сын теперь служит денщиком у нас; получает 70 коп. в день». Дмитрия очень заинтересовал

этот человек, в его голове уже возникли картины политического преследования декабристов и членов их семей, но сопоставив хронологию декабрьского восстания и возраст поденщика-интеллигента, молодой человек понял, что этот персонаж не может быть сыном участника событий 1825 г. Дмитрий Николаевич завязал с ним разговор и к своему изумлению узнал, что поденщик из дворян и из-за разногласий во взглядах с отцом вынужден был уйти из дома и слоняться на чужбине. Дмитрий поражен, смелостью такого поступка. Но узнав, что другие рабочие, считают поденщика полоумным и смеются над ним Дмитрий разгневанно пишет: «Слезы навернулись у меня на глазах и я еле удержался, чтобы не закричать во все горло: будьте Вы прокляты презренные, подлые людишки, низкие пошляки, смеете Вы своим подлым смехом оскорблять честного свободного человека, потому что он честно трудится!» [3, с. 48. К «Г.Н.П». Алушта. 24 июня 1903 г.]. Еще больше Дмитрия возмутила покорность, с которой этот бывший дворянин принял свою судьбу. Автор писем протестует против «фатума», неотвратимости судьбы, в нем живет бунтарский дух, желание что-то изменить. Но Дмитрий не находит в себе силы изменить судьбу, живет за счет средств богатого отца, много путешествует, посещает оперу, читает книги, музицирует.

Критикуя вместе с российской интеллигенцией и себя, молодой человек намечает для себя точки личностного роста: «А сделать хочется многое: 1) приучить себя к работе; 2) изучить историю философии (кончая Кантом и Фихте); 3) изучить мнемоникой историю литературы; 4) заняться астрономией. Кроме этого, хотелось бы очень изучить этику (Соловьева, Спинозу)... Да еще надо привести в порядок ледоделательную машину, в которой я ни черта не смыслю, а руководства нет» [3, с. 54. К «А.Н.П». Алушта. 29 июля 1903 г.].

По письмам можно реконструировать список книг, которые читал Дмитрий и сделать вывод о том, как он воспринимал прочитанное. Среди книжного предпочтений Дмитрия можно выделить труды философов. Живой отклик душе сына крупного российского предпринимателя вызывают философские взгляды Герцена о стремлении людей к самопознанию и сознательной деятельности во имя свободы. «На днях кончил 5-й том Герцена... как живо я вижу всю жизнь этого народного трибуна...». Летом 1903 г. отдыхая на великолепной и по месту расположения и по роскоши даче отца в Алуште он делится своими впечатлениями о прочитанном в письме к Анне Постниковой: «Читаю, (вернее перечитал I том, прочел стр. 100) Герцена. Вот это был человек. Какая светлая личность. Увы таких теперь нет. Особенно меня поразила та сила, та сила, та мощь с которой он говорит о Витберге: «Судьбу твою, мученик, узнают в Европе, я тебе за это отвечаю». Из одной этой фразы

вытекает взгляд на личность Герцена. Вот бы иметь учителем такого человека» [3, с. 15. К «А.Н.П». Алушта. 7 июня 1903 г.].

В книге-альбоме на полях имеются маргинальные записи ее составительницы Глафиры Постниковой. На полях письма, в котором Дмитрий анализирует взгляды Герцена, она сделала пометку карандашом: «в женевском издании (тогда запрещенном)» [3, с. 15. К «А.Н.П». Алушта. 7 июня 1903 г.]. Философские и политические взгляды Дмитрия Николаевича стали предметом пристального внимания со стороны Московского охранного отделения к его персоне. Но проверка со стороны охранки не выявила «неблагоприятных в политическом отношении сведений о Дмитрии Стакееве» [6].

Несмотря постоянные попытки интеллектуального роста, желание приобщится к музыке и проникнуть в глубины философии Дмитрий постоянно терзается мыслями несовершенстве человека. «Убожество духовное, умственное – все это огненными буквами стоит на лбу каждого человека. И неужели можно не тосковать о чем-то истинном, безпределном, которого так жаждет ум и сердце, и только глухой стон измученной груди является тебе ответом на долгие и тщетные искания. Человек жалок и убог» - таким Дмитрий видит людей мыслящих. Но еще более низменное положение в роду человеческой занимают, люди, которые думают только о материальном благополучии и становятся счастливыми «чисто мещанским убогим счастьем» [3, с. 94. К «А.Н.П». Алушта. 28 июля 1903 г.]. Отметим, что подобное философствование о предназначении рода человеческого чаще своего звучит в письмах Д. Стакеева к другу (он обозначается в письмах как Вл.Н.С.). В письмах к невесте и ее сестре он все чаще рассуждает о музыке и литературе. Музыка является главным увлечением Дмитрия: «Музыка мой Бог. Слова – это ведь пустые звуки» [3, с. 125. К «А.Н.П». Петровско-Разумовское. 4 июля 1904 г.]. Дмитрий занимался музыкой живя в Москве, много ежедневно по два и более часов музиковал, проводя лето на даче в Алуште, а когда путешествовал обязательно покупал ноты. В одном из писем Дмитрий восклицает: «Если у меня отнять музыку и книги (со скульптурой, живописью и архитектурой я знаком значительно меньше), у меня отнимут всю жизнь - останется лишь труп» [3, с. 138. К «Г.Н.П». Петровско-Разумовское. 12 мая 1904 г.].

Заключение

Мы привели всего несколько сюжетов из писем и дневников Дмитрия Стакеева, т.к. предстоит еще долгая исследовательская работа с текстом источника. Но даже приведенные отрывки показывают, что

выходцы из провинциального купечества, прочно закрепившиеся в кругах столичной бизнес элиты по общественно-политическим взглядам и убеждениям отличались от провинциальных собратьев, которые прочно стояли на монархических позициях и часто проявляли политическую индифферентность.

В целом это-документы дают нам возможность охватить взглядом не общую массу, а отдельную личность. Хотя несомненно во взглядах этой личности находят отражение характерные черты «коллективного мышления» присущие конкретной исторической эпохе. Отметим, что исследование индивидуальных казусов, подобных нашему, следует проводить ясно представляя их границы. Мы не можем экстраполировать образ мысли, присущий Д. Стакееву с его увлечённостью философией, музыкой, постоянной рефлексией о смысле жизни, на всех отпрысков российских предпринимателей начала XX в.

При анализе источников личного происхождения следует учитывать как объективные, так и субъективные факторы, оказывавшие влияние на автора это-документов. Среди объективных факторов назовем размах общественно-политического движения в России в начале XX в., в которое либо непосредственно, либо последовательно (как было с Дмитрием) была втянута студенческая молодежь. Но главное влияние на тексты писем и воспоминаний оказывает именно совокупность субъективных факторов, в которые «погружен» их автор. К первому из таких факторов отнесем возраст Дмитрия. Свои первые юношеские дневники Дмитрий начинает писать в 14 лет, и это краткие весьма поверхностные заметки, но не о событиях, случившихся с ним в тот или иной день, а рассуждения о жизни. Это свидетельствует о том, что юноша с детства был склонен к самоанализу, рефлексии об окружающем мире. Подавляющее большинство сохранившихся писем написано Дмитрием уже в студенческие годы, когда молодой человек активно постигает различные науки, занимается саморазвитием. Серьезным субъективным фактором, повлиявшим на содержание писем, является его отношение с родителями, точнее ситуация разрыва отношений между отцом и матерью. Это угнетает молодого человека, он не находит душевной поддержки и понимания ни у одного из родителей и погружается в поиски смысла жизни читая труды философов разных эпох. И даже любовь Дмитрия в Анне не позволяет ему обрести душевное равновесие.

Приведенные в сюжеты из писем и дневников Дмитрия Стакеева свидетельствуют о его раздумьях на тему религии и морали, науки и русской литературы, исторической судьбе Российской империи. Тема развития общественного движения в стране тесно перекликается в его письмах с проблемами роли и места русской интеллигенции в прогрессе России.

Список литературы:

1. Гинзбург К. Сыр и черви. Картина мира одного мельника, жившего в XVI в. / Пер. с итал. М.Л. Андреева, М.Н. Архангельский. М., 2000. – 272 с.
2. Дело миллионера Стахеева. Коммерсант. 1914. 1 февраля.
3. Думы и настроения: отрывки из писем к друзьям, странички дневника Д.Н. Стахеева. Музыкальные наброски. Машинопись. 186 с. Фонды музея елабужского купечества Елабужского института КФУ.
4. Дэвис Н.З. Дамы на обочине: Три женских портрета XVII века. М., 1999. 400 с.
5. Коршунов С.В., Маслова И.В. Инженерное образование купечества как фактор экономического развития капиталистической России// Русская система обучения ремеслам: истоки и традиции. Том VII. М.: НОЦ «Контроллинг и управленческие инновации» МГТУ им. Н.Э. Баумана, 2021. С. 109- 136.
6. О студенте Московского технического училища Дмитрии Николаеве Стахееве. Государственный архив Российской Федерации. Ф. 102. Оп. 231. Д.1009. Л. 1-3.
7. Подгурский Ю.Е. Трагедия. Завещание. Суд. Неизвестный эпизод из жизни Стахеевых // Социокультурное пространство российской провинции: историческая память и национальная идентичность: Материалы IX Международных Стахеевских чтений (Елабуга, 21-22 ноября 2019 г.). Елабуга, 2019. С. 161-165.
8. Dekke, R.M. Jacques Presser's heritage. Egodocuments in the study of history // Memoria y Civilización. Anuario de Historia. - 2002. - №5. Р. - 13-37.